

Мариинский театр абсурда

Мосс-культура колонизирует Петербург

В Питере бушует страсти. Министр строительства РФ Анвар Шамузаров хочет насильно ошастливать Петербург строительством нового здания Мариинки по проекту американского архитектора Эрика Мосса (Eric Moss). Абсурдизм противопоставляется, считая этот проект столь же абсурдным и опасным, как картонные хижины в Лиске.

Валерий Гергиев мечтает превратить свой театр в суперкомплекс вроде лондонского Ковент-Гардена или нью-йоркского Линкольн-центра — что ж, идея расширения театра аллергии не вызывает. Иное дело — форма, в которую грозят отлить \$100 миллионов, выделяемые из федерального бюджета. Колоссальная стеклянная амеба на берегу Крюкова канала повергает в шок. И все, от домохозяек до академиков, твердят одно и то же: в новостройках такое возможно, в центре Петербурга — никогда.

Презентация проекта проходила под грифом «секретно». В одной из служебных комнат Мариинки собрали человек пятьдесят представителей архитектурной и культурной общественности. Журналистов худрук Мариинки выворил. Устроители акции планировали блинжик: молниеносно «принформировать население», чтобы через три дня положить проект Мосса на подпись Касьянову.

Министру строительства удалось так охмурить публику, что легенда о якобы имевшем место архитектурном конкурсе до сих пор коучит по СМИ. Собранным представили два проекта — американский (Эрика Мосса) и российский (коллектива под руководством Олега Романова). Олег Романов вообще-то фасады рисовать не собирался, на стадии концепции нужны, скорее, планировочные и технологические схемы. Но Гострой приказал, архитектор ответил: есть! Вероятно, Романов не смекнул, что его наспех нарисованные картинки противопоставят подробно проработанному проекту с целью продемонстрировать полное бессилие, убожество, одним словом, крах российской архитектуры.

Но сейчас черной магии, как водится,

закончился полным ее разоблачением. Профессионалам не понравился отечественный вариант, но импортный вызвал куда более резкое неприятие. Архитектор Сергей Семенов говорил о несовместимости предложения Мосса с генетическим кодом петербургской архитектуры: «К человеческому телу нельзя пришить козлиную ногу». Вице-президент Союза архитекторов России Андрей Боков назвал происходящее «архитектурной живодерней». Академик Татьяна Славина призвала маэстро Гергиева отказаться от чудовищного новояза и беречь язык петербургских улиц. Председатель Гострой пытался списать критику на счет примитивной ксенофобии и во всеоружии вверенной ему власти грозил: «Надо будет — поменяем федеральные законы об охране памятников». «Между прочим, наш город — под охраной ЮНЕСКО», — парировал вице-губернатор Александр Вахмистров.

Затем губернатор Владимир Яковлев принял двух министров — Анвара Шамузарова и Михаила Швыдкого. Резюме совещания — провести международный конкурс заказной архитектурный конкурс — опирался на российские законодательство. По нему при реализации проектов за бюджетные деньги подряд на все виды работ (архитектурное проектирование — не исключение) распределяется на конкурсной основе. Тут нельзя не вспомнить еще одну «дезу», усиленно навязываемую в прессе сторонниками проекта Мосса: дескать, отвергая его проект, Петербург лишится инвестиций, которые сулят постоянные работодатели Мосса, девелоперы из Лос-Анджелеса Фредерик и Лори Смит (Frederic and Laurie Smith). Но, во-первых, во всем мире строительство театров — скорее дотационные, нежели самокупаемые проекты. Во-вторых, супруги Смит заявляли о своем намерении привлечь \$300 млн из Пенсионного фонда США на строительство Мариинки-2, а на реконструкцию «Новой Голландии», и правительство России дает им зеленую улицу. И еще одна пикантная деталь: супруги Смит обещали выстроить новый театр не только Валерию Гергиеву, но, параллельно, Борису Эйфману. Интересно, Баливар, то есть Американский Пенсионный фонд, вынесет двоих?

К февралю атака на Петербург вступила в фазу позиционных боев в министерских кабинетах. В перерывах между сводками с театра военных действий петербуржцы получили возможность повнимательнее изучить фигуру Эрика Мосса. Прежде это имя было известно лишь узкому кругу специалистов. В европейском рейтинге лучших архитекторов мира (данные на декабрь 2001 года) Мосс не входил даже в «горячую сотню». Что неудивительно, поскольку его творчество — явление специфическое, если не маргинальное. Специалисты относят его к узкому направлению, именуемому «посланделеский авангард».

Наиболее известные постройки Мосса сосредоточены в Калвер-Сити (Culver City), городке под Лос-Анджелесом. Американцы называют Лос-Анджелес «личницей» — вокруг «желтка» небоскрежного даун-тауна растекались тысячи квадратных километров «белка» — унылой и однообразной одноэтажной Америки. Естественно, что такая дегуманизованная среда рано или поздно порождает протестную эстетику, действующую методом шоковой терапии. Исполни архитектуры XX века Филип Джонсон (Philip Johnson) недаром называл Мосса «ювелиром металлолома» («a jeweler of junk»). Образы от Эрика Мосса — гремучая смесь деконструктивизма (когда стены кренятся, крыши развешиваются, колонны развешиваются, как ножки олененка Бэмби) и биопластицизма (здания или их части возникают как из-под ножа патологоанатома и напоминают кишки, легкие, печень...). Иногда Мосс и впрямь украшает грубые бетонные стены металлоломом — ржавыми цепями, решетками и кольцами, и тогда его строения смахивают на декорации к «Звездный войнам». На молодежном сленге — мэтр «хосит под پوست пусеат» («после ядерного взрыва»), хотя выпускнику Гарварда и Беркли уже под шестьдесят.

Бионическая архитектура — явление не такое уж новое, и ее родинные пятна известны. Она неплохо смотрится в пампасах, а в городе, особенно историческом, чужеродна до агрессивности. Но самое страшное — семантика ее образов... Сам Эрик Мосс назвал свое детище «мешками

для мусора» («bags for garbage»), намекая на позитивную отходов жизнедеятельности. Сходство с надутыми пластиковыми мешками действительно есть, но стеклянные мешки куда дороже пластиковых. Мосс так пока и не назвал цену проекта, похоже, по причине явного превышения сметы в \$100 млн.

Удаленность от архитектуры обывателей проект Мосса навевает ассоциации с другими продуктами жизнедеятельности. Русский человек острее на язык и быстро награждает плохую архитектуру общими кличками. Если моссом дом построят, назначать у него свидания будут так: «Встретимся у кучи». Впрочем, возможны варианты: «раздавленный осьминог» (главный художник СПб Иван Уралов), «мечто из области технологии очистки воды» (кинорежиссер Александр Сокуров), «сопливая улитка», «комек зеленой инопланетной слизи» и т. п.

Эрик Мосс не впервые пытается импортировать себя в Европу, но пока безрезультатно. В 1996 году он проиграл конкурс на реконструкцию Газометров в Вене, в 2001-м — конкурс на проект Оперного театра в Осло. На бумаге остались его проекты для Дюссельдорфа (Düsseldorf Harbor, 1998), Лондона, Гетеборга и многие другие. Что поделяется — такова природа профессии. Но патронаж русского министра дурно повлиял на калифорнийца. Профессионалом со стажем, отлично знающим, что в любом городе мира надо работать по правилам, вдруг превратился в эдакого вольного художника, каким архитектор, опять же по природе профессии, быть не может.

Министр, откровенно лоббировавший проект, практиковал социалистические методы: идеологическая обработка, диктат, выбор из одного.

Валерию Гергиеву с его слухом странно было не понять, что американский гастролер не разбирался в архитектурной паритуре Петербурга и дал пелуха. Но, разобравшись в ситуации, маэстро тут же вышел из трио: «Я отстаивал не конкретный проект, а идею».

Председатель Гострой тоже формально пошел на попятную: хотите конкурс — получите, но только не заказной, а «открытый» с международным участием». Казалось бы, какая разница? Открытый вроде бы демократичней — круг участников не ограничен. Но специалисты знают: звезды мировой архитектуры не участвуют в открытых конкурсах, считая их делом несерьезным. Им нужен особый подход, непрелзчатое судейство и твердые гарантии, тем более что международных архитектурных конкурсов в России не проводили с 1931 года, когда в конкурсе на Дворец Советов принимал участие Ле Корбюзье. Если возобладает версия открытого конкурса, легко предположить, что у Эрика Мосса будет большая форс (он-то работает над темой уже полгода) и не будет серьезных конкурентов. И тогда история о расширении Мариинского театра получит финал в духе пьесы Даниила Хармса «Неудачный спектакль», где на сцену выходит девочка со словами: «Театр закрывается. Нас всех тошнит».

Таким должен стать Мариинский театр по замыслу американского архитектора

